Стоик

Автор:
Теодор Драйзер

Стоик

Теодор Драйзер

Трилогия желания #3

«Фрэнк Каупервуд во время своей длительной борьбы в Чикаго за возобновление концессии еще на пятьдесят лет – борьбы, которая, несмотря на все его усилия, кончилась для него полным крахом, – обнаружил на своем пути два труднопреодолимых препятствия.

Первым препятствием был возраст. Каупервуду было под шестьдесят, и, хотя он по-прежнему чувствовал себя полным сил, он понимал, что ему нелегко будет конкурировать с более молодыми и не менее ловкими финансистами и за короткое время существенно увеличить свой капитал, который безусловно достиг бы желанной цифры, если бы ему удалось получить эту концессию.
А цифра эта равнялась пятидесяти миллионам долларов…»

Теодор Драйзер

Стоик

Глава I

Фрэнк Каупервуд во время своей длительной борьбы в Чикаго за возобновление концессии еще на пятьдесят лет – борьбы, которая, несмотря на все его усилия,

кончилась для него полным крахом, – обнаружил на своем пути два труднопреодолимых препятствия.

Первым препятствием был возраст. Каупервуду было под шестьдесят, и, хотя он по-прежнему чувствовал себя полным сил, он понимал, что ему нелегко будет конкурировать с более молодыми и не менее ловкими финансистами и за короткое время существенно увеличить свой капитал, который безусловно достиг бы желанной цифры, если бы ему удалось получить эту концессию. А цифра эта равнялась пятидесяти миллионам долларов.

Второе препятствие, которое по трезвому суждению представлялось ему более серьезным, заключалось в том, что он до сего времени не завел никаких более или менее солидных связей, иными словами, не имел никакого престижа в обществе. Разумеется, тут играло роль и то, что он когда-то в молодости сидел в филадельфийской тюрьме, и его непостоянство, и неудачная женитьба на Эйлин, не сумевшей оказать ему поддержки в обществе, и, наконец, просто его независимый характер, и какой-то поистине неуемный индивидуализм – все это оттолкнуло от него немало полезных людей, которые, пожалуй, могли бы стать его друзьями.

Ибо Каупервуд был не такой человек, чтобы вступать в дружбу с людьми менее сильными, менее деловыми и изворотливыми, чем он сам. Это казалось ему бессмысленным самоунижением или по крайней мере пустой тратой времени. С другой стороны, он по опыту знал, что с людьми сильными, хитрыми и действительно имеющими вес отнюдь не всегда легко завязать дружеские отношения. В особенности здесь, в Чикаго, где ему пришлось бороться со многими из них за власть и за положение. Они предпочли объединиться против него не потому, что он держался иных правил или же действовал иными методами, – они и сами были не прочь действовать так же, – но скорее потому, что он, чужак, забрался в их огород, в сферу финансов, которую они считали своей вотчиной, и сумел приобрести значительно большее влияние и капитал, и притом в значительно более короткое время. Мало того, он совратил жен и дочерей тех самых людей, которые особенно яростно соперничали с ним, и, разумеется, они приложили все старания, чтобы изгнать его из чикагского общества, и действительно преуспели в этом.

В своих интимных отношениях с женщинами Каупервуд всегда считал, что каждый из партнеров должен обладать полной свободой, и добивался этого, не считаясь ни с чем. Но вместе с тем он всю жизнь мечтал встретить такую

женщину, которая сумела бы привязать его к себе – конечно, не в том смысле, чтобы заставить его хранить полную верность, об этом он даже и думать не хотел, – но чтобы это была настоящая сердечная привязанность, духовная близость и взаимопонимание. И вот уже восемь лет его не покидало чувство, что он действительно нашел такой идеал в Беренис Флеминг. Она, по-видимому, ничуть не была ослеплена ни им самим, ни его славой, и его искусство очаровывать женщин на нее не действовало. Может быть, это, а также эстетическое наслаждение, которое вместе с чувственным волнением пронизывало его всякий раз, как он ее видел, и привело его к мысли, что при ее молодости, красоте, такте и уверенности в себе она могла бы создать для него необходимый общественный фон, который повысил бы его престиж и престиж его капитала; но для этого, разумеется, ему надо добиться свободы, чтобы иметь возможность жениться на ней.

К сожалению, несмотря на всю свою непоколебимость в отношении Эйлин, он все еще был не в состоянии освободиться от нее. Она твердо решила не уступать его никому. А воевать с ней из-за развода, в то время как все силы его были поглощены жестокой борьбой за железнодорожные концессии в Чикаго, – это было бы уж слишком тяжелым бременем. Тем более что и со стороны Беренис он не видел ни малейшего поощрения. По-видимому, ее привлекали люди не только моложе его, но и с прочным общественным положением, чего он при своей репутации был не в состоянии ей предложить. Так он впервые изведал горечь неудачи в любви; он часами сидел один у себя в кабинете, погруженный в мрачные размышления. Он был совершенно убежден, что на этот раз потерпел полный крах и в борьбе за увеличение капитала, и в попытках завоевать любовь Беренис.

И вдруг однажды, когда он меньше всего ожидал этого, Беренис пришла и объявила, что она принадлежит ему, – он сразу точно помолодел, к нему вернулась былая энергия, жажда деятельности. Наконец-то он обрел то, о чем мечтал: любовь женщины, которая поистине будет ему опорой в его борьбе за могущество, славу и прочное положение в свете.

Но как бы откровенно и чистосердечно ни объясняла Беренис, почему она пришла к Каупервуду («Я подумала, что теперь, пожалуй, я вам действительно нужна… и вот решилась!»), в ней все же чувствовался какой-то надлом – она была уязвлена жизнью, обществом, и это толкало ее взять реванш, расквитаться за те жестокие обиды, которые ей пришлось испытать в ранней юности. И то, что она на самом деле думала и чего Каупервуд, восхищенный ее неожиданной

близостью, не понимал, можно было сформулировать так: «Ты пария – и я тоже. Мир пытался сокрушить тебя. А меня он пытался выкинуть из той сферы, к которой я по природе своей и по всем чувствам своим должна принадлежать. Ты негодуешь – и я тоже. Так давай заключим союз: союз красоты, смелости и ума, но союз равноправный, чтобы в нем не было господства ни с той, ни с другой стороны. Потому что, если мы не будем относиться друг к другу честно, нам не удастся сохранить этот наш неосвященный союз». Таков был, в сущности, ход ее рассуждений, которые столь неожиданно для Каупервуда привели ее к нему.

Но если Каупервуд и угадывал сильную, сложную натуру Беренис, он все же не мог угадать течение ее мыслей. И в этот зимний вечер, когда она внезапно вошла к нему (цветущая и румяная с мороза), он, глядя на нее, никогда бы не сказал, что она все тщательно продумала и взвесила. Да и как можно было заподозрить в этом такое юное, веселое, улыбающееся, очаровательное существо? И, однако, это было так. Она стояла перед ним, смело откинув голову, втайне чуточку волнуясь. В ее отношении к нему не было никакого коварства, скорее уж это была любовь, если только желание принадлежать ему и быть с ним до конца его дней, – но только на таких вот определенных условиях, – можно назвать любовью. С его помощью, рука об руку с ним, она достигнет желанной победы, и оба они чистосердечно и любовно будут поддерживать друг друга.

Итак, в этот самый вечер Каупервуд, глядя на нее, сказал:

– Но мне все-таки хотелось бы знать, Беви, как это вы вдруг пришли к такому неожиданному решению? Как могло случиться, что вы решились на такой шаг сейчас, когда я только что потерпел второе и действительно крупное поражение?

Она спокойно смотрела на него, и сияние ее синих глаз окутывало его словно бы теплым туманом, пронизанным солнечными лучами.

– Видите ли, я много думала о вас… и читала о вас в прессе – все эти годы. Вот только в прошлое воскресенье в Нью-Йорке я прочла о вас целых две страницы в «Сан». И они, кажется, помогли мне понять вас немного лучше.

– Газеты?.. Нет, правда?

– И да и нет. Не руганью, конечно, которою они осыпают вас, но фактами – если то, что они собрали и выдают за вашу биографию, это действительно факты. А вы, правда, никогда не любили вашу первую жену?

– Не знаю. Вначале мне казалось, что любил. Но, конечно, я был еще совсем мальчишкой, когда женился на ней.

– А теперешнюю вашу жену, миссис Каупервуд?

– Ах, Эйлин? Да! Когда-то я был очень привязан к ней… – неожиданно признался он. – Она для меня много сделала, очень много, а я не такой, чтобы забывать добро, Беви! И в то время я был влюблен в нее. Сильно влюблен. Но, конечно, я был еще очень молод и в духовном отношении не так требователен. Виновата в этом не Эйлин. Просто это была ошибка неопытного человека.

– Мне становится немного легче, когда я слышу это от вас, – сказала она. – Вы, оказывается, вовсе не такой уж безжалостный, каким вас изображают. Я, конечно, намного моложе Эйлин, но мне кажется, если бы я была уродом, вряд ли мои духовные качества сколько-нибудь заинтересовали бы вас.

Каупервуд усмехнулся.

– Верно! – сказал он. – Не стану оправдываться в том, что я таков. Умно уж там или глупо, но я в жизни руководствуюсь только эгоистическими соображениями, потому что, как мне кажется, человеку, в сущности, больше и нечем руководствоваться. Может быть, я ошибаюсь, но мне сдается, что большинство из нас поступает именно так. Возможно, существуют какие-то другие интересы, которые стоят выше своих, личных, но когда человек действует на пользу себе, он тем самым, как правило, приносит пользу и другим.

– Я, кажется, согласна с этой точкой зрения, – отвечала Беренис.

– Мне хотелось бы, чтобы вы поняли хорошенько одно, Беви, – ласково улыбнувшись, продолжал Каупервуд, – это то, что я ничуть не пытаюсь ни преуменьшать, ни скрывать ни единой обиды, которую я кому-нибудь причинил. Жизнь идет, человек меняется, и огорчения при этом неизбежны. Мне просто хочется рассказать вам, как, на мой взгляд, обстоит дело, чтобы вы в самом деле поняли меня.

– Благодарю, – рассмеялась Беренис, – но вам вовсе незачем чувствовать себя так, точно вы даете свидетельские показания.

– А вот именно так я себя и чувствую сейчас. Но позвольте мне еще немножко рассказать вам об Эйлин. Это существо любящее, эмоциональное, однако в духовном отношении она никогда не была и не может быть тем, что мне нужно. Я знаю ее хорошо и понимаю ее, и я всегда буду благодарен ей за все, что она делала для меня в Филадельфии. Она не покинула меня, несмотря на ущерб, который это наносило ее репутации. Вот поэтому-то и я не покидаю ее, хоть и не могу любить так, как любил когда-то. Она носит мое имя, живет в моем доме. Она считает себя вправе владеть и тем и другим.

Он выжидательно посмотрел на Беренис.

– Вы, конечно, понимаете это? – спросил он.

– Да, да! – воскликнула Беренис. – Конечно, понимаю. И пожалуйста, не думайте, я не собираюсь доставлять ей никаких огорчений. Я пришла к вам совсем не за этим.

– Вы очень великодушны, Беви, но вы несправедливы к себе! – сказал Каупервуд. – Я хочу, чтобы вы знали, как много вы значите для моего будущего. Вы, может быть, еще не понимаете этого, но я хочу сказать вам об этом вот сейчас, здесь. Не зря я мечтал о вас, я не упускал вас из виду в течение восьми лет. Это значит, что я люблю вас и люблю крепко.

– Я знаю… – мягко ответила она, глубоко тронутая этим признанием.

– Все эти восемь лет я видел перед собой идеал, – продолжал он. – Это были вы.

Он замолчал. Ему хотелось сжать ее в объятиях, но он интуитивно чувствовал, что не должен этого делать. Помолчав, он сунул руку в карман жилета и вытащил тоненький золотой медальон величиной с серебряный доллар, открыл его и протянул ей. На внутренней стороне был маленький портрет Беренис: двенадцатилетняя девочка, тоненькая, хрупкая, высокомерная, сдержанная, серьезная – такой она осталась и теперь.

Беренис взглянула и сразу вспомнила – ведь это снимок еще того времени, когда они жили с матерью в Луисвилле и мать ее была женщиной с положением и со средствами. Как это не похоже на то, что сталось с ними теперь! И сколько пришлось ей вынести из-за этой перемены! Она смотрела на свою карточку, и светлые воспоминания проносились перед ней.

– Откуда у вас эта карточка? – спросила она наконец.

– Я увидел ее на письменном столе у вашей матушки в Луисвилле и взял себе. Только она, конечно, была не в этой оправе. Это уж я сам сделал потом. – Он бережно закрыл крышку медальона и спрятал его в карман. – С тех пор она всегда при мне.

Беренис улыбнулась.

– Надеюсь, вы ее никому не показываете! Ведь я там совсем еще дитя.

– И дитя это стало моим идеалом. А теперь – более чем когда-либо. Конечно, я знал немало женщин на своем веку, и мои отношения с ними складывались по-разному. Однако независимо от этого у меня всегда было более или менее определенное представление о том, что мне на самом деле нужно; я всегда мечтал вот о такой сильной, отзывчивой, возвышенной девушке, как вы. Думайте обо мне что угодно, но судите меня отныне по моим поступкам, а не по словам. Вы сказали: «Я пришла к вам, потому что, мне кажется, я вам нужна». И это правда, вы мне нужны.

Она положила руку ему на плечо.

– Я решила, – спокойно промолвила она. – Самое лучшее, что я могу сделать в жизни, – это помочь вам. Но ведь мы… я… никто из нас не имеет возможности поступать так, как нам хочется. Вы и сами это знаете.

– Еще бы! Но я хочу, чтобы вам было хорошо со мной, и хочу, чтобы и мне было хорошо с вами. И конечно, мне не может быть хорошо, если вы будете огорчаться. Здесь, в Чикаго, особенно теперь, мне нужно быть крайне осторожным. И вам тоже. Поэтому нам сейчас надо будет расстаться, и вы вернетесь к себе в отель. Но завтра около одиннадцати, я надеюсь, вы позвоните мне. И тогда, может быть, нам удастся обо всем поговорить. Но

подождите минуту.

Он взял ее за руку и повел в свою спальню. Закрыв дверь, он подошел к красивому кованому сундуку, который стоял в углу комнаты. Он поднял крышку, вынул оттуда три небольших подноса с коллекцией древних греческих и финикийских колец и поставил перед Беренис.

– Ну выбирайте! Каким кольцом вы обручитесь со мной? – сказал он.

По обыкновению снисходительно и немножко небрежно, – ибо она была из тех, кого нужно упрашивать, а не из тех, кто умеет просить, – Беренис стала разглядывать и перебирать кольца, невольно восклицая, когда ей попадалось какое-нибудь, особенно поразившее ее.

– Цирцея, наверное, выбрала бы вот эту свернувшуюся серебряную змейку, – промолвила она. – А Елена – вот эту гирлянду цветов из зеленой бронзы. Я думаю, что Афродите, наверно, понравилась бы эта согнутая рука и пальчики, крепко сжавшие камень. Но я хочу выбрать не просто самое красивое. Я возьму себе вот эту потускневшую серебряную ленту. В ней чувствуется и сила, и красота.

– Всегда что-нибудь придумает, чего не ожидаешь! – воскликнул Каупервуд. – Ах, Беви! Вы бесподобны.

Он нежно поцеловал ее и надел кольцо ей на палец.

Глава II

Явившись к Каупервуду в момент его поражения, Беренис помогла ему обрести веру в неожиданное и, более того, – веру в свою счастливую звезду. Конечно, Каупервуд угадывал в ней существо эгоистическое, уравновешенное, скептическое, но менее прямолинейное и много более возвышенное, чем он. Если он жаждал денег ради главного, что они могут дать, – то есть ради власти, дабы пользоваться ею, как ему вздумается, – Беренис жаждала получить с их помощью возможность проявить свою одаренную натуру и удовлетворить тем

самым свою эстетическую потребность в красоте. Ей хотелось достичь этого не столько путем самовыражения в той или иной форме искусства, сколько создать такую жизнь, чтобы и она сама, и вся жизнь ее стали как бы воплощением искусства. Она часто думала, что, будь у нее много, очень много денег и большие возможности, – чего бы она только не сделала, дав волю своей изобретательности. Никогда бы не стала она швырять деньги на большие дома или земли, на всякую показную роскошь, нет, она постаралась бы создать для себя изысканную, вдохновляющую атмосферу!

Она никому не поверяла этих своих мыслей. Это было частью ее самой, чем-то свойственным ее натуре, в которой Каупервуд не так уж тонко разбирался. Она представлялась ему хрупкой, впечатлительной, загадочной, и поэтому ему никогда не надоедало смотреть на нее – это было все равно что любоваться природой: новый день, занимающийся над землей, внезапный ветер, незнакомый ландшафт. А что-то будет завтра?.. Будет она такой же, эта Беренис, какой он видел ее прошлый раз, или нет? Никогда он не мог ответить на этот вопрос. И сама Беренис, сознавая в себе эту непонятную изменчивость, не могла бы объяснить ее ни ему, ни кому-либо другому: такая уж она есть. И пусть Каупервуд и все остальные принимают ее такой, какая она есть.

Вдобавок ко всему этому в ней чувствовался аристократизм. Невозмутимая, сдержанная, она неизменно привлекала к себе внимание и внушала невольное уважение всем, с кем ей приходилось сталкиваться. Это выходило у нее само собой. И Каупервуд, сразу почувствовавший в ней это врожденное превосходство, был восхищен и изумлен, ибо это было как раз то редкое качество, которое он в глубине души больше всего ценил в женщине. Такая юная, обаятельная, умная и так держит себя – настоящая леди! Он угадал это даже тогда – по фотографии двенадцатилетней девочки в Луисвилле, восемь лет назад.

Но теперь, когда Беренис наконец пришла к нему, его смущала одна мысль. В том восторженном состоянии, в котором он сейчас пребывал, ему неудержимо хотелось сказать ей, что он отныне принадлежит ей одной – неизменно и безраздельно. Но будет ли это так? После первого брака, особенно после того, как у них появились дети и установилась обыденная рутина семейной жизни, он со всею ясностью понял, что эта обычная норма спокойного супружеского существования совсем не для него. Доказательством был его роман с юной красавицей Эйлин, чья самоотверженная любовь и привязанность к нему заставили его впоследствии соединиться с ней брачными узами. Чувство

порядочности в данном случае играло не меньшую роль, чем его влечение к Эйлин. Но с тех пор он считал себя свободным от всяких обязательств, решив, что он вправе распоряжаться собой и своими чувствами, как ему вздумается.

Он никогда не отличался склонностью к постоянству и не стремился к нему и, однако, на протяжении целых восьми лет старался завоевать любовь Беренис. Теперь, раздумывая над этим, он спрашивал себя: как может он честно и откровенно рассказать ей о себе? Она такая умная и чуткая. Умалчивание и ложь, которыми можно успокоить, если не вполне обмануть, всякую обыкновенную женщину, только уронят его в ее глазах.

И хуже всего было то, что как раз в это время в Дрездене у него была любовница, некая Арлет Уэйн. Он сошелся с ней год назад. Арлет жила тогда в маленьком городке в штате Айова; жажда вырваться из убогой среды, где ее талант неминуемо зачах бы, толкнула Арлет написать Каупервуду письмо, к которому она приложила изображение своей прелестной особы. Не получив ответа, она наскребла где могла немножко денег и явилась собственной персоной в Чикаго, в контору Каупервуда. И если фотографии оказалось недостаточно для достижения цели, то сама живая Арлет преуспела вполне: она была не только смела и уверена в себе, но еще и обладала темпераментом, прельстившим Каупервуда; кроме того, ею руководил не только грубый расчет: она серьезно увлекалась музыкой, и у нее был хороший голос. Убедившись в этом, он решил помочь ей. Арлет привезла с собой достаточно наглядные доказательства тех жалких условий, в которых ей приходилось существовать: фотографию крохотного домика, где она жила с матерью-вдовой, занимавшейся мелкой торговлей, и трогательный рассказ о том, как мать выбивалась из сил, чтобы заработать на жизнь и вывести ее в люди.

Разумеется, те несколько сот долларов, которые были нужны ей для того, чтобы пробиться, ровно ничего не значили для Каупервуда. Честолюбие в людях всегда находило в нем сочувствие: Арлет растрогала его, и он решил устроить ее будущее. Для начала он предоставил ей возможность брать уроки у лучших профессоров Чикаго. Затем, если выяснится, что игра стоит свеч, он пошлет ее за границу. Однако, чтобы ни в коей мере не компрометировать и не связывать себя, он назначил ей определенное содержание, которым она распоряжалась сама. Это содержание выплачивалось ей и по сие время. Он посоветовал ей привезти в Чикаго мать и поселиться с ней вместе. Арлет сняла маленький домик, выписала мать, они прочно обосновались здесь, и Каупервуд стал у них частым гостем.

Арлет была неглупа, искренне предана своему искусству, поэтому ее отношения с Каупервудом постепенно перешли в настоящую дружескую близость. Она не проявляла никаких поползновений как-нибудь скомпрометировать его. Не так давно, незадолго до появления Беренис, Каупервуд, предвидя, что ему, может быть, скоро придется распроститься с Чикаго, уговорил Арлет отправиться в Дрезден. И если бы не Беренис, возможно, он сейчас гостил бы у Арлет в Германии.

Но теперь, сравнивая ее с Беренис, он уже не чувствовал к ней никакого влечения. Беренис овладела всем его существом. Однако Арлет все-таки интересовала его как будущая актриса, ему хотелось, чтобы она добилась успеха, поэтому он решил помогать ей и впредь. Но он чувствовал, что с ней уже все кончено, он должен вычеркнуть ее из своей личной жизни раз и навсегда. Для него это небольшая жертва. Ее день миновал. Теперь надо начинать жизнь сызнова. Если Беренис потребует от него полной верности под угрозой разрыва – он готов подчиниться ее желаниям, каких бы это ему ни стоило усилий. Она достойна того, чтобы ради нее пойти на любую жертву. В таком душевном состоянии он погружался в мечты и строил планы на будущее, как когда-то в далекие дни юности.

Глава III

На следующее утро чуть попозже десяти Беренис позвонила Каупервуду, и они условились встретиться в его клубе.

Поднимаясь по особой лестнице в его апартаменты, она увидела, что он ждет ее у входа. Дверь была открыта, и везде – в холле и в комнатах – были цветы. Но он до такой степени не был уверен в своей победе, что, когда она не спеша поднималась по ступенькам, с улыбкой глядя на него, он впился в ее лицо тревожным взглядом, боясь прочесть на нем, что она вдруг передумала.
И только после того как она, переступив порог, позволила ему обнять себя и он крепко прижал ее к груди, у него отлегло от сердца.

– Пришла! – вскричал он радостно и заглянул ей в лицо, все еще не веря своему счастью.

– А вы думали, не приду? – спросила она, смеясь над выражением его лица.

– Но разве я мог быть уверен? – сказал он. – Ведь до сих пор вы никогда не были со мной такою, как мне хотелось.

– Это правда. Но вы же понимаете почему. Зато теперь все будет по-другому. – И она подставила ему губы для поцелуя.

– Если бы ты только знала, – сказал он, задыхаясь от волнения, – что это значит для меня, твой приход. Всю ночь я глаз не сомкнул. И у меня такое чувство, что мне больше никогда спать не захочется… Милые жемчужинки-зубки, а глаза, синие-синие, и рот как бутон розы! – шептал он, осыпая ее поцелуями. – А волосы – горят, как золото! – И он восхищенно потрогал их.

– Мальчик получил новую игрушку!

У него перехватило дыхание, когда он увидел ее чуть-чуть насмешливую, но ласковую улыбку; он крепко обнял ее и поднял на руки.

– Фрэнк! Пусти! Прическа! Да ты меня всю растреплешь!

Она, смеясь, отбивалась, пока он нес ее в спальню, озаренную дрожащим и пляшущим пламенем камина, но он не отступался, и она позволила ему раздеть себя, забавляясь его нетерпением.

Было уже далеко за полдень, когда он, как шутливо заметила Беренис, настолько образумился, что с ним можно было спокойно разговаривать. Они уселись за чайным столиком перед камином. Она говорила, что ей хотелось бы остаться в Чикаго, чтобы быть поближе к нему, но, конечно, им надо устроиться так, чтобы не привлекать внимания. Он был совершенно согласен с ней. В связи с этой газетной шумихой он сейчас у всех на виду – достаточно ему только показаться с такой хорошенькой женщиной, пресса мигом подхватит это и раздует невесть что: всем, разумеется, известно, что Эйлин живет отдельно от него в Нью-Йорке. Придется им не показываться вместе на публике.

– Ведь эта история с продлением концессии, – говорил он, – или, вернее, с провалом концессии, вовсе не значит, что работа моя кончена и что я потеряю

власть над сетью городского транспорта. Я столько лет занимался этим делом, акции моих предприятий раскуплены, тысячи пайщиков заинтересованы в них. И отнять эти акции ни у меня, ни у пайщиков без суда никак невозможно.

И вот сейчас, Беви, – продолжал он, понизив голос, – самое время было бы подыскать какого-нибудь крупного финансиста или группу людей с капиталом, нечто вроде синдиката, который купил бы все это имущество по сходной цене, чтобы не обидно было ни им, ни нам. Но это, конечно, такое дело, которое сразу не делается. На него могут потребоваться годы. И я, в сущности, уверен, что, пока я сам не предприму каких-нибудь шагов и не постараюсь добиться этого как личного одолжения, вряд ли можно рассчитывать, что кто-нибудь явится сюда и сделает мне сколько-нибудь дельное предложение. Все знают, что это трудная штука – возиться с городским транспортом и заставить его давать прибыль. А потом эта судебная волокита, ее все равно не минуешь, кто бы ни польстился на это предприятие, будь то мои враги или какая-нибудь акционерная компания, которая решится взять дело в свои руки.

Он сидел с ней рядом и разговаривал так, как если бы это был пайщик или солидный финансист, такой же делец, как и он сам. И хотя ее вовсе уж не так интересовали подробности его финансовых дел, она чувствовала, что это действительно его сфера, что он живет в ней деятельной, напряженной и по-своему увлекательной жизнью.

– Я знаю только одно, – перебила она его, – это то, что, по-моему, тебя ничто сокрушить не может. Ты для этого слишком умен и слишком хитер.

– Допустим, – сказал он, явно польщенный. – Но так или иначе, на все это требуется время. Может быть, немало лет пройдет, прежде чем мне удастся сбыть с рук все эти транспортные предприятия. А между тем такая затяжка может принести мне немалый ущерб. Предположим, я задумаю какое-нибудь новое дело, – я буду чувствовать себя связанным по рукам и по ногам, пока окончательно не распутаюсь со всей этой историей.

Он замолчал и, задумавшись, уставился в одну точку своими большими серыми глазами.

– Чего бы мне больше всего хотелось теперь, когда у меня есть ты, – медленно промолвил он, – это позабыть хотя бы на время обо всех делах и отправиться с

тобой куда-нибудь путешествовать. Довольно я потрудился. Ты для меня дороже всяких денег, несравненно дороже! Знаешь, как странно! Я только сейчас вдруг почувствовал, что слишком много жизни ухлопал на все эти дела. – Он улыбнулся и обнял ее.

А Беренис, слушая его и с гордостью сознавая свою власть над ним, проникалась к нему чувством глубокой нежности.

– Вот это ты правду сказал, милый! – ответила она. – Ты точно какой-то громадный паровоз или машина: летишь на всех парах, а куда – и сам не знаешь. – И она взъерошила ему волосы и ласково скользнула ладонью по его щеке. – Я часто думала о твоей жизни и о том, чего тебе удалось достигнуть. Мне кажется, для тебя было бы очень хорошо уехать на несколько месяцев за границу, поглядеть на Европу. Я не представляю себе, что ты сейчас можешь здесь делать, – разве только еще увеличить свой капитал! И ведь Чикаго, по правде сказать, совсем неинтересный город. По-моему, он просто отвратителен!

– Ну, этого я бы не сказал, – возразил Каупервуд, заступаясь за Чикаго. – У него есть и свои привлекательные стороны. Ведь я сюда, в сущности, приехал затем, чтобы сколотить капитал. И я прямо скажу: мне жаловаться не приходится.

– Да это я знаю! – сказала Беренис, немножко удивленная тем, что он так пылко заступается за Чикаго, несмотря на все обиды и неприятности, которые ему пришлось здесь претерпеть. – Только вот что, Фрэнк… – Она помолчала, обдумывая, как бы получше выразить то, что ей хотелось сказать. – Я считаю, что ты настолько крупнее, больше всего этого. Я, знаешь, всегда так думала! Неужели тебе не кажется, что тебе сейчас надо отдохнуть, оглядеться, поехать куда-нибудь, так просто, без всякого дела? Тебе может дорогой прийти какая-нибудь счастливая мысль, может во время путешествия представиться случай – ну, скажем, возможность взяться за какой-нибудь крупный общественно полезный проект, который принесет тебе не столько прибыль, сколько положение и славу. А может, тебя заинтересует какое-нибудь предприятие в Англии или во Франции. Мне бы так хотелось пожить с тобой во Франции… Ну почему, правда, не поехать туда и не построить для них что-нибудь новенькое? А как насчет того, чтобы заняться городским транспортом в Лондоне? Или еще чем-нибудь в этом роде? Во всяком случае, что бы там ни было, давай уедем из Америки.

Он одобрительно улыбнулся.

– Знаешь, Беви, – сказал он, – хоть это и несколько противоестественно – обсуждать такие серьезные деловые вопросы, когда видишь перед собой эти синие глаза и копну золотых волос, однако должен сказать, что ты рассуждаешь мудро. Примерно в середине того месяца, а может быть, и раньше, мы с тобой уедем за границу – ты и я. И там уж я кое-что придумаю, что тебе будет по душе: год назад или около того мне делали предложение насчет подземной дороги в Лондоне. Я тогда так был занят своими здешними делами, мне просто не до того было. Но теперь… – Он похлопал ее по руке.

Беренис ответила ему довольной улыбкой.

Уже смеркалось, когда Беренис, спокойная, улыбающаяся, сдержанная, простилась с Каупервудом и села в экипаж, который он для нее вызвал.

Спустя несколько минут после ее ухода Каупервуд вышел на улицу, веселый, окрыленный радостью жизни, уже строивший планы на будущее: завтра с утра он поговорит со своим поверенным и поручит ему устроить встречу с мэром города и с еще несколькими влиятельными лицами, чтобы обсудить, на каких условиях и каким способом он мог бы разделаться со всеми своими многочисленными предприятиями и обязательствами. А затем… затем будет Беренис. Мечта всей его жизни, которая наконец-то сбылась! Ну пусть он потерпел крах! Да никакого краха и не было! Жизнь – это любовь, а не только деньги и деньги!

Глава IV

Предложение насчет лондонской подземной дороги, о котором Каупервуд упомянул в разговоре с Беренис, было сделано ему год назад двумя предприимчивыми англичанами, мистером Филиппом Хэншоу и мистером Монтегью Гривсом. Они привезли ему письма от нескольких хорошо известных лондонских и нью-йоркских банкиров и маклеров, рекомендовавших их как солидных подрядчиков по постройке железных дорог, городской трамвайной сети и вагоностроительных и паровозостроительных заводов в Англии и других странах.

Несколько времени тому назад они вошли пайщиками в Электротранспортную компанию (английская компания, учрежденная в целях расширения городского транспорта), вложив десять тысяч фунтов стерлингов в реализацию проекта постройки подземной железной дороги протяжением четыре-пять миль от станции Чэринг-Кросс – в центре Лондона – до Хэмпстеда, который с недавних пор начал превращаться в крупный жилой район. Одно из обязательных условий этого проекта заключалось в том, что новая линия подземки должна была связать прямым сообщением Чэринг-Кросс (конечную станцию Юго-восточной железной дороги, которая обслуживала южные и юго-восточные районы Англии и являлась основной артерией, связывавшей Англию с континентом) с Юстонстэйшен, конечной станцией Северо-западной железной дороги, которая обслуживала северо-западные районы и соединяла Англию с Шотландией.

По словам мистера Гривса и мистера Хэншоу, Электротранспортная компания располагала капиталом в тридцать тысяч фунтов стерлингов. Ей удалось провести в парламенте через обе палаты акт, предоставляющий ей право на постройку и эксплуатацию новой линии, которая отныне поступала в полную собственность компании. Однако для того чтобы добиться этого, Электротранспортной компании пришлось, вопреки распространенному среди англичан мнению о своем парламенте, затратить изрядную сумму – не на то, чтобы подкупить ту или иную группу, но, как осторожно выразились мистер Гривс и мистер Хэншоу (которых Каупервуд, разумеется, понял с первого слова, ибо уж кто-кто, а он-то отлично разбирался в этом), ведь приходится прибегать к разным средствам и способам, дабы заручиться протекцией того или иного полезного лица, способного повлиять на членов комиссии, от которых зависит решение дела в куда большей мере, чем если вы просто так, со стороны, обратитесь с ходатайством о предоставлении подряда на крупную общественную постройку, тем более когда она, как это бывает в Англии, поступает в ваше вечное владение. И вот, учитывая все это, и пришлось обратиться к юридической конторе «Райдер, Баллок, Джонсон и Чэнс» – солидной, широко известной фирме, которую возглавляют талантливые и хорошо осведомленные в технических вопросах представители юридической профессии, пользующиеся заслуженной славой в столице Великобритании. Эта прославленная фирма обладала бесчисленными связями с отдельными пайщиками и председателями самых различных компаний. Она действительно разыскала таких людей, которые сумели не только повлиять на членов комиссии и провести акт через парламент, но уже после того, как акт был в руках у компании, а от первоначальной суммы в тридцать тысяч фунтов почти ничего не осталось, сумели вовлечь в это предприятие Гривса и Хэншоу, и они, взяв подряд на постройку в течение двух лет линии Чэринг-Кросс – Хэмпстед, заплатили год

тому назад десять тысяч фунтов наличными.

Условия акта были довольно жесткие. Они предусматривали, что Электротранспортная компания должна внести шестьдесят тысяч фунтов стерлингов в государственных ценных бумагах как залог в обеспечение того, что предполагаемые работы будут закончены к указанному сроку. Но, как эти лондонские предприниматели объяснили Каупервуду, не трудно будет найти такую группу финансистов, которые согласились бы за обычный ссудный процент внести требуемое количество ценных бумаг в предусмотренный условиями акта банк, а в парламентской комиссии, если, разумеется, там будет поручительство, безусловно, можно добиться продления сроков окончания работ.

Однако после полутора лет усилий с их стороны и несмотря на то что на это было ухлопано сорок тысяч фунтов стерлингов наличными и вложено на шестьдесят тысяч залоговых ценных бумаг, денег на прокладку туннеля (а требовалось на это миллион шестьсот тысяч фунтов) по сие время достать не удалось. Причина этого крылась в том, что, хотя в Лондоне и функционировала вполне успешно одна линия подземной дороги, Сити – Южный Лондон, оборудованная по всем правилам современной техники, тем не менее это не могло убедить английских капиталистов в том, что вновь проектируемая подземная дорога, значительно большей протяженности и соответственно требующая значительно больших затрат, будет приносить доход. Две другие действующие линии городской железной дороги представляли собой полуподземку – по ним ходили паровички, которые то шли по открытому месту, то ныряли в туннель; одна из них, так называемая Районная железная дорога, проложена была на пять с половиной миль, другая – Метрополитен – всего на две мили. Между дорогами действовало соглашение о сквозном движении по обеим линиям. Но поскольку эти линии обслуживались паровой тягой, то туннели и платформы были закопченные, грязные – ни та, ни другая дорога почти не приносили дохода. И так как на деле пока еще никто не доказал, что дорога, постройка которой обойдется в несколько миллионов фунтов, может приносить прибыль, английские капиталисты не склонны были интересоваться подобным предприятием. Отсюда возникла необходимость искать капитал в других частях света, и это в конце концов привело мистера Хэншоу и мистера Гривса – через Берлин, Париж, Вену, Нью-Йорк – к мистеру Каупервуду.

Каупервуд же, как он и говорил Беренис, был в то время до такой степени поглощен своими чикагскими неприятностями, что выслушал мистера Хэншоу и

мистера Гривса без особого внимания. Но теперь, после того как его борьба за получение концессии кончилась полным провалом, и в особенности после того как Беренис выразила желание уехать из Америки, он вспомнил об их предложениях и планах. Конечно, ему тогда показалось, что они просто засыпались с этим своим проектом, на него уже ухлопано столько денег, что ни один опытный делец никогда не рискнет на такую авантюру; а все-таки, может быть, стоит посмотреть поближе – как там у них обстоит дело с подземной дорогой в Лондоне, и если окажется возможным развернуть строительство в широком масштабе и обойтись без того мошенничества, к которому он вынужден был прибегать в Чикаго, он даже готов отказаться от сверхприбылей. Он уже и сейчас мультимиллионер – неужели ему надо загребать деньги до конца дней своих?

К тому же с таким прошлым, как у него, и после всех этих грязных вымыслов, которым столь неуемно предавались на страницах газет его враги, заслужить добрую славу – да еще в Лондоне, который в своих коммерческих сделках до сих пор как будто слыл образцом непогрешимой честности, – вот было бы замечательно! Это даст ему возможность занять такое общественное положение, какого ему никогда не достигнуть у себя в Америке.

Он очень воодушевился этой идеей. А ведь ее подсказала ему Беренис, эта девочка, еще не видавшая жизни. Уж такой у нее природный дар, смекалка, – вот она и почувствовала, какая замечательная ему предоставляется возможность. И подумать только, что все это – и эта лондонская затея, и все, что сулит ему в будущем жизнь с Беренис, – все выросло из какого-то легкомысленного приключения девять лет назад, когда он с полковником Натаниэлом Джилесом из Кентукки отправился в домик этого погибшего создания, Хэтти Стар, матери его Беренис! И кто это выдумал, будто зло никогда не приводит к добру?

Глава V

Тем временем Беренис, слегка попривыкнув к своим отношениям с Каупервудом, начала задумываться над теми препятствиями и опасностями, которыми окружила ее жизнь. Она не обманывалась на этот счет, решив соединить свою судьбу с Каупервудом, но сейчас она чувствовала, что должна незамедлительно

подготовиться к ним, чтобы спокойно все выдержать и не спасовать.

Первая и главная опасность – Эйлин, эта ревнивая, эмоциональная женщина, которая, если только узнает, что Каупервуд любит Беренис, конечно, не остановится ни перед чем, чтобы погубить ее. Затем – газеты. Они, безусловно, предадут скандальной огласке ее связь с Каупервудом, если их будут часто видеть вдвоем. И наконец – мать: ведь надо же будет как-то объяснить ей, почему Беренис вдруг решилась на такой шаг; и потом еще брат, Ролфи, которого она теперь надеялась куда-нибудь пристроить с помощью Каупервуда.

Все это обязывало ее быть постоянно настороже, взвешивать каждое свое слово, хитрить, изворачиваться, быть мужественной и готовой на многие жертвы и уступки.

И Каупервуд также частенько задумывался надо всем этим. Поскольку Беренис предстояло теперь занять главное место в его жизни, он не мог не заботиться об ее благополучии и о том, что предпринять, чтобы постоянно быть с нею. Он начал всерьез подумывать о лондонском предложении. В следующее свое свидание с Беренис, едва только она вошла, он сразу заговорил обо всех этих делах.

– Знаешь, Беви, – сказал он, – а эта твоя идея насчет Лондона кажется мне очень заманчивой. Тут, несомненно, заложены интересные возможности.

И он рассказал ей все, что он за это время передумал, и поставил в известность о визите лондонских подрядчиков.

– Вот я сейчас и думаю послать кого-нибудь в Лондон, чтобы узнать, остается ли это предложение в силе. Если окажется, что да, тогда путь открыт и твоя замечательная идея может осуществиться. – Он посмотрел на нее с улыбкой, словно поздравляя с тем, что она так хорошо все придумала. – Однако мы с тобой должны действовать осторожно, нам надо опасаться, во-первых, газетной огласки, а во-вторых – какого-нибудь сюрприза со стороны Эйлин. Это существо эмоциональное, сумасбродное; ее поступками управляют только чувства, а не рассудок. Я много лет пытался объяснить ей насчет себя: как человек, помимо своей воли, может измениться в течение жизни. Но она этого никак понять не может. Она считает, что человек меняется только потому, что сам этого хочет. – Он замолчал и невольно усмехнулся. – Она из той породы женщин, что хранят

вечную привязанность: полюбит – и всю жизнь будет любить одного человека.

– А тебе это не нравится? – спросила Беренис.

– Напротив! По-моему, это замечательно. Но только беда в том, что я-то сам до сих пор никогда еще таким не был…

– И, я думаю, не будешь! – поддразнила его Беренис.

– Не говори так, – взмолился он. – Зачем ты меня дразнишь? Ведь я только хочу сказать, что она просто не в силах понять, как это может быть: вот я когда-то был в нее влюблен, а теперь почему-то этого больше нет. И у нее это так наболело, что любовь ее сейчас обратилась в ненависть, или, быть может, она просто старается убедить себя в этом. Но хуже всего то, что у нее все это смешано с чувством гордости: она носит мое имя, она моя жена. Когда-то она мечтала блистать в обществе, да и мне тоже очень хотелось предоставить ей такую возможность: мне казалось, что мы оба от этого выиграем. Но я скоро убедился, что для этого она просто недостаточно умна. А потом я и сам отказался от мысли обосноваться в Чикаго. Меня больше привлекал Нью-Йорк – вот это город для человека с деньгами, решил я. Дай-ка, думаю, попробую там. И тут мне пришло на ум, что, быть может, я не всегда буду жить с Эйлин, но, хочешь верь, хочешь нет, впервые эта мысль промелькнула у меня, когда я увидел твой портрет в Луисвилле, – тот самый, который я теперь всегда ношу с собой. И вот после этого я и решил выстроить дом в Нью-Йорке и сделал из него настоящий музей, надеясь обосноваться в нем. Я думал, что если ты когда-нибудь обратишь на меня внимание…

– Так, значит, этот роскошный особняк, в котором я никогда не буду жить, – задумчиво сказала Беренис, – был выстроен для меня!.. Как странно!

– Такова жизнь! – вздохнул Каупервуд. – Но ведь мы с тобой и так можем быть счастливы.

– Конечно, – отвечала она. – Мне просто показалось это странным. Я не хочу доставлять никаких огорчений Эйлин, ни за что на свете!

– Да, я знаю, что ты умна и великодушна. И может быть, ты даже лучше меня придумаешь, как нам из всего этого выпутаться.

– Наверно, что-нибудь придумаю, – спокойно промолвила она.

– Но, кроме Эйлин, надо еще иметь в виду и газеты. Ведь они мне просто жить не дают. Стоит им только пронюхать про этот лондонский проект, – предположим, что я действительно надумаю за это взяться, – тут такой поднимется звон! А если еще кто-нибудь догадается твое имя к моему приплести – ну, тогда тебя совсем заклюют, налетят, точно коршуны! Я пока что вижу только один выход: либо мне удочерить тебя, либо, если мы поедем в Лондон, выступить там в роли твоего опекуна. Это даст мне право находиться подле тебя под тем предлогом, что я распоряжаюсь твоим состоянием. Что ты об этом скажешь?

– Ну что ж, – помолчав, ответила она, – других возможностей я пока не вижу. А насчет поездки в Лондон нужно будет еще хорошенько подумать. Ведь я забочусь не только о себе.

– Я в этом уверен, – сказал Каупервуд, – но если нам хоть чуточку повезет, то все это мы с тобой преодолеем. Должно быть, надо сделать так, чтобы нас как можно меньше видели вместе. Но прежде всего надо придумать какой-нибудь способ отвлечь внимание Эйлин. Потому что она-то, конечно, знает о тебе решительно все. Ведь я тогда в Нью-Йорке часто бывал у вас, ну и ясно, она подозревала, что мы с тобой в связи. Конечно, я тебе не мог этого рассказать: не слишком-то ты меня тогда жаловала.

– Вернее, не совсем понимала, – поправила Беренис. – Ты был для меня слишком большой загадкой.

– А теперь?

– Боюсь, что и теперь тоже.

– Ну уж этому я не поверю! Однако насчет Эйлин мне что-то ничего в голову не приходит. Она до того подозрительна! Пока я живу здесь и только изредка наезжаю в Нью-Йорк, она как будто ничего – терпит. Но если я уеду надолго и поселюсь в Лондоне, а газеты будут изощряться в догадках… – Он не договорил и задумался.

– Ты боишься, что она будет болтать? Или что она приедет к тебе и устроит сцену?

– Трудно сказать, что ей придет в голову и что она может сделать. Будь у нее какое-нибудь занятие или развлечение, она, возможно, и ничего бы не стала делать. Но, принимая во внимание, что она за эти последние годы пристрастилась к вину, от нее можно ожидать всего. Несколько лет назад она как-то раз напилась с горя и пыталась покончить с собой… (У Беренис невольно сдвинулись брови.) Хорошо, я подоспел вовремя, высадил дверь и поговорил с ней как следует. – И он описал Беренис всю эту сцену, но постарался оставить себя в тени, боясь, что она упрекнет его в безжалостности.

Беренис слушала и только теперь убеждалась, что Эйлин действительно любит его без памяти, а она, Беренис, обрекает ее на новые неизбежные страдания! Но ведь, что бы ни делала Эйлин, Каупервуд все равно не изменится! «А я, – думала Беренис, – для меня самое важное – отомстить светскому обществу…» Ну, Фрэнк ей тоже дорог. Конечно же, дорог. Он действовал на нее словно сильно возбуждающее средство. Ее восхищала его мощь, его неукротимая энергия – в нем было какое-то неотразимое обаяние. Главное сейчас, рассуждала Беренис, так построить отношения с ним, чтобы не причинять дополнительных страданий Эйлин.

Она сидела молча, задумавшись.

– Да, в самом деле трудная задача, – наконец промолвила она. – Но у нас еще будет время подумать. Давай отложим это на день-другой. Не бойся, я о ней не забуду. – Она окинула Каупервуда теплым, задумчивым взглядом. И мягкая, как бы ободряющая улыбка скользнула по ее губам. – Вдвоем мы с тобой что-нибудь наверняка придумаем, – сказала она.

И, встав со своего кресла у камина, подошла к нему, ласково провела ладонью по его волосам и села к нему на колени.

– Оказывается, на свете бывают не только финансовые проблемы, – целуя его в лоб, шутливо промолвила она.

– Да, бывают иной раз и другие, – так же шутливо отвечал он, растроганный ее сочувственным пониманием. – И потом, развлечения ради, поскольку накануне

была метель и выпало много снегу, не поехать ли нам прогуляться, чтобы отвлечься от всех этих дел?

Он предложил покататься на санях, чтобы приятно завершить день. Он знает прелестную гостиницу на Северном берегу – можно там поужинать и полюбоваться озером при луне.

Вернувшись довольно поздно, Беренис еще долго сидела у себя в спальне перед камином и снова и снова обдумывала, как все устроить. Она уже послала телеграмму матери, чтобы та, не откладывая, ехала в Чикаго. Она отвезет ее с вокзала в гостиницу на Северной стороне, и они там устроятся вместе… Когда мать приедет, можно будет спокойно поговорить с ней и посвятить ее во все их планы.

Но, раздумывая об этом, Беренис неотступно видела перед собой Эйлин: Эйлин одна, совсем одна в своем громадном дворце в Нью-Йорке. Эйлин – все еще красивая, но уже отцветшая, обрюзгшая, ибо ей все так немило, что не хочется и следить за собой. И одета она безвкусно – слишком роскошно и вычурно. Возраст, внешность, узкий умственный кругозор – все это, конечно, не оставляло Эйлин ни малейшей возможности соперничать с Беренис. И Беренис обещала себе, что она никогда, никогда не будет жестокой к Эйлин, как бы мстительно и враждебно ни поступала та по отношению к ней. Нет, она все равно будет относиться к Эйлин сочувственно, великодушно и со стороны Каупервуда не потерпит никакой жестокости, никакого небрежения к жене. У нее сжималось сердце от жалости, когда она представляла себе, сколько горя выпало на долю этой несчастной женщины. Ибо как ни молода была Беренис, она уже перенесла немало, она видела, как страдает мать, и достаточно выстрадала сама. И эти раны еще не совсем затянулись.

Итак, она решила, что ее роль в жизни Каупервуда должна быть как можно более незаметной для постороннего глаза. Она поедет с ним, куда бы он ни захотел, – она знает, как нужна она ему сейчас, но они должны держать себя так, чтобы их отношения для всех оставались тайной. Вот если бы найти какое-нибудь средство отвлечь Эйлин от ее горьких раздумий, тогда бы она не питала такой бурной ненависти к Каупервуду и даже, если бы узнала все, не так бы уж ненавидела и Беренис.

У Беренис мелькнула было мысль о религии, вернее, не столько о религии, сколько о каком-нибудь пасторе или духовнике, который своими

душеспасительными беседами мог бы повлиять на Эйлин. Всегда можно найти такого благорасположенного, хотя на самом деле весьма расчетливого наставника душ, который в надежде на щедрую награду или на то, что его не забудут в завещании, охотно возьмется утешать и наставлять ее. Беренис даже припомнила, что в Нью-Йорке она знала одного такого священника – преподобного Виллиса Стила, настоятеля церковного прихода Сент-Суизина. Она не раз бывала в этой церкви, ее тянула туда не столько потребность молиться, сколько желание помечтать под этими высокими сводами, слушая величественные звуки органа. Преподобный Виллис, человек средних лет и приятной внешности, отличался необыкновенной вкрадчивостью и мягкостью манер; однако при всем его светском лоске денег у него, по-видимому, было немного. Беренис вспомнила, как он однажды попробовал наставлять ее, но это воспоминание только рассмешило молодую женщину, и она оставила мысль о духовном наставнике. А все-таки нужно, чтобы кто-то развлек и занял Эйлин.

И тут ей пришло на ум, что для этой цели можно просто кого-нибудь нанять: в светских кругах Нью-Йорка ей нередко приходилось встречать молодых повес с прекрасными манерами, но без всяких средств. Так вот, если заплатить такому молодому человеку хорошие деньги или предложить солидное содержание, он, безусловно, мог бы создать для Эйлин если и не совсем великосветское, то, во всяком случае, интересное окружение и таким образом хотя бы на время отвлечь ее. Но как отыскать такого молодого человека и как обратиться к нему с подобным предложением?

Беренис сознавала, что ее идея может показаться чересчур хитрой и циничной, особенно если она сама преподнесет ее Каупервуду. Но вместе с тем она считала, что это ценная мысль и пренебрегать ею не следует. Ведь Каупервуду достаточно только намекнуть – это может сделать ее мать, – а уж он сам сообразит, как это устроить.

Глава VI

Генри де Сото Сиппенс – вот на кого пал выбор Каупервуда, когда он решил послать агента в Лондон, чтобы разведать реальное положение вещей, финансовые и прочие возможности постройки лондонского метрополитена.

Он откопал Сиппенса много лет тому назад, и тот оказал ему поистине неоценимые услуги при переговорах, когда он добивался концессии на проведение газа в Чикаго. Деньги, которые Каупервуд заработал на этой концессии, дали ему возможность скупить нужные участки и забрать в свои руки постройки городского транспорта. Он привлек к этому делу Сиппенса, обнаружив в нем истинный талант по части выуживания всяких необходимых сведений и организации различных общественно полезных предприятий и служб. Сиппенс, человек нервный, раздражительный, легко выходил из себя и, нередко случалось, допускал некоторую бестактность. Но при всем своем бескомпромиссном среднезападном «американизме» – качестве, весьма ценном, хоть иной раз совершенно невыносимом, это был исключительно преданный человек, на которого можно было безусловно положиться.

Сиппенс был убежден, что Каупервуду на этот раз нанесен роковой удар, что он потерпел полный крах, лишившись своих долгосрочных концессий. Он не представлял себе, как сможет его патрон возместить убытки и рассчитаться с местными воротилами, которые вложили в его предприятия немало денег и теперь могли на этом кое-что потерять. С того вечера, когда Каупервуд потерпел поражение, Сиппенс только и думал о том, как-то он встретится с патроном. Что ему сказать? Как можно решиться выразить сочувствие этому человеку, который всего какую-нибудь неделю назад казался несокрушимым гигантом в мире воротил и дельцов?

И вот на третий день после катастрофы Сиппенс неожиданно получил телеграмму от одного из секретарей Каупервуда с предложением немедленно явиться к прежнему патрону. Войдя в кабинет и увидев веселого, оживленного, сыплющего остротами Каупервуда, он едва мог поверить собственным глазам.

– С добрым утром, патрон! Приятно, что вы так хорошо выглядите.

– Да, давно уж я себя так не чувствовал. Ну, а вы как поживаете, де Сото? Готовы принять любые веления судьбы?

– Уж вам ли меня не знать, патрон! Я никогда от вас не отступался. Что бы ни случилось, я для вас готов на все.

– Знаю, де Сото, знаю! – улыбнулся Каупервуд. Любовь Беренис, вознаградившая его за все неудачи, внушила ему уверенность, что для него теперь открывается

новая, самая значительная страница жизни. Поэтому он был полон самых радужных надежд и расположен относиться добродушно ко всем на свете. – Я тут задумал одно дело, де Сото, и хочу поручить его вам, потому что дело это совершенно секретное, а на вас, я знаю, можно положиться.

Губы его плотно сжались, и в глазах появился тот холодный непроницаемый металлический блеск, который невольно бросал в дрожь всякого, кто относился к Каупервуду враждебно или имел основания побаиваться его. Сиппенс, выпрямившись, выпятив грудь колесом, стоял не шевелясь; он весь обратился в слух. Это был маленький человечек, ростом не выше пяти с половиной футов, но он носил обувь на больших каблуках, высоченный цилиндр, который снимал только перед Каупервудом, и широкое длинное пальто, подбитое ватой на груди; все это, по его мнению, должно было придавать ему внушительную осанку и увеличивать рост.

– Спасибо, патрон, – пробормотал он, – для вас я хоть к дьяволу в преисподнюю. Сами знаете.

Голос у него прерывался, губы дрожали – до такой степени он был взвинчен похвалой патрона, этим свидетельством доверия, равно как и всем тем, что ему пришлось вынести за последние месяцы, да и за всю свою многолетнюю службу у Каупервуда.

– На этот раз обойдется без преисподней, де Сото, – сказал Каупервуд, улыбаясь и откидываясь в кресле. – Довольно мы в ней жарились здесь, в Чикаго. Второй раз не полезем, баста. И сейчас вы сами увидите почему. Речь у нас с вами, де Сото, пойдет о Лондоне, о лондонском метрополитене и о том, какие там для меня есть возможности.

Он дружески поманил Сиппенса и указал ему на стул рядом с собой. А Сиппенс, совершенно ошеломленный столь неожиданной и интересной перспективой, лишь смотрел на него, разинув рот.

– Лондон? – наконец выговорил он. – Нет, в самом деле, патрон? Вот это здорово! Я знал, что вы что-нибудь да придумаете! Ох, и сказать вам не могу, как меня это радует, патрон!

Голос его дрожал, руки тряслись, а лицо так и сияло, словно его вдруг осветили изнутри. Он опустился на стул, вскочил, потом снова сел – это всегда было у него признаком сильного волнения. Наконец, дернув свой длинный, лихо закрученный ус, он замер на месте и уставился на Каупервуда восхищенным и вместе с тем внимательным, настороженным взглядом.

– Спасибо, де Сото! – прервал молчание Каупервуд. – Я так и думал, что это может вас немножко встряхнуть.

– Встряхнуть! – вскричал Сиппенс. – Да на вас, патрон, просто диву можно даваться! Подумать только! Едва вы отбились от всех этих чикагских стервятников – глядишь, у вас все снова на ходу, кипит, бурлит, ворочается! Ну разве не чудо это! Конечно, я всегда знал, что свалить вас никто не свалит, но, признаться, после этой истории с концессиями я думал, вы скоро не вывернетесь. Да только разве вас что может согнуть? Нет, вы, патрон, вроде как дуб среди кустарника – слишком вы могучи. Я бы от такой штуки просто ко дну пошел, и следов бы от меня не осталось. А вы – вам все нипочем! Приказывайте, патрон, все выполню в точности. И ни одна душа ничего знать не будет, если вы так хотите…

– Да, это как раз одно из главных условий, де Сото, – перебил его Каупервуд. – Строжайшая тайна, а затем, конечно, ваше замечательное чутье. Вот две вещи, с помощью которых мне, быть может, удастся осуществить то, что я задумал. И никто из нас, надеюсь, от этого в убытке не останется.

– Да что об этом говорить, что вы, патрон! – запротестовал де Сото; чувствовалось, что он весь напряжен, как струна. – Подсчитать, сколько я получил благодаря вам – хватит мне до самой могилы, даже если я больше ни цента не заработаю. Вы только объясните, что вам требуется, а уж я постараюсь сделать все наилучшим образом; если же не удастся – так прямо вам и скажу: не вышло.

– Ну этого я еще от вас никогда не слыхал, де Сото, да надеюсь, что и не услышу. Так вот, в двух словах: примерно с год назад, когда у нас здесь заварилась вся эта канитель из-за участков, ко мне приезжали два англичанина из Лондона, агенты какого-то там синдиката, что ли. Потом я вам все расскажу подробно, а сейчас только самую суть дела…

И он кратко пересказал Сиппенсу свой разговор с Гривсом и Хэншоу и кое-какие собственные соображения на этот счет.

– На мой взгляд, они засыпались с этим контрактом, де Сото. Они ухлопали в него что-то около полмиллиона долларов, а показать нечего – кроме этого самого контракта или подряда, ну, попросту сказать – разрешения построить линию на участке в четыре-пять миль. А ведь эту линию предстоит еще как-то связать с двумя другими, уже действующими линиями. Они это сами признают. Так вот что меня в этом деле интересует, де Сото: прежде всего не только вся ныне действующая система лондонского подземного транспорта, но и проблема значительного ее расширения, если это возможно. Вы меня, конечно, понимаете: прокладка новых подземных линий на большие расстояния в районах, которые пока еще никто не догадался копнуть, – ну, словом, такое, что могло бы давать доход. Понятно вам?

– Понятно, патрон!

– Затем, – продолжал Каупервуд, – надо раздобыть карты – общий план с подробным описанием города, план уличного движения, наземной сети и подземной, – чтобы видно было начало и конец каждой отдельной линии; желательно еще и геологические карты и кой-какие сведения насчет почвы. Затем нужно обследовать близлежащие районы, куда можно подвести подземку, выяснить, кто населяет их, а если это еще нежилой район, кто может там поселиться в будущем. Вам ясно?

– Все ясно, патрон, все!

– Далее: в чьих руках находятся концессии, или акты, как это у них там называется, на ныне действующие подземные дороги. Сроки этих актов, протяженность линий, имена владельцев, имена самых крупных пайщиков. Как идет эксплуатация, какой приносит доход. Словом, все, что можно разузнать, не привлекая к себе лишнего внимания и ни в коем случае не заикаясь обо мне. Ну это вы, конечно, понимаете почему.

– Все ясно, патрон, все!

– Затем, де Сото, меня интересует жалованье служащих и эксплуатационные расходы.

– Будет сделано, патрон, – повторял Сиппенс, уже соображая про себя, как приступить к делу.

– Потом стоимость подземных работ, расходы на оборудование. И какие могут быть убытки и издержки при переводе линий с паровой тяги – у них это, видите ли, до сих пор по старинке – на электричество. И нельзя ли там будет оборудовать тягу с «третьим рельсом», – говорят, на новом метрополитене в Нью-Йорке его уже вводят. Вы знаете, англичане – ведь это совсем другой народ, у них все не так, как у нас, и я бы хотел, чтобы вы мне и об этом все, что можно, разузнали. И наконец, надо поинтересоваться, в какой у них там цене земельные участки, – ведь цены могут подскочить, чуть только начни строить, и, может быть, есть смысл скупить кое-какие участки заранее, как, помните, мы с вами делали в Лейк-Вью и в прочих местах.

– Еще бы мне не помнить! – сказал Сиппенс. – Я уже понимаю, что вам надо, патрон. Поеду, разузнаю и привезу все, что требуется, а может, еще и побольше. Ну это просто великолепно! И я так счастлив, я прямо горжусь тем, что вы обо мне вспомнили. А как вы считаете, когда я примерно должен выехать?

– Немедленно! – отвечал Каупервуд. – Вам надо сейчас же подыскать кого-нибудь, чтобы передать ваши дела в пригороде. – Он говорил об управлении пригородной железной дорогой, где Сиппенс был директором. – Я думаю, вам всего лучше сдать дела Китереджу; скажите, что вы собираетесь провести зиму в Европе или в Англии. И хорошо бы избежать всяких заметок о вашем отъезде в прессе. Ну, а уж если не удастся, – придумайте какой-нибудь предлог, сделайте вид, что интересуетесь чем угодно, только не транспортом. И как только разузнаете, кто там из английских капиталистов, связанных с метрополитеном, поживее и кого стоило бы подключить к нашему делу вместе с его линией, – немедленно поставьте меня в известность. Потому что, разумеется, это будет отнюдь не американское предприятие, а английское с начала до конца. И вы должны это хорошенько усвоить, де Сото. Англичане, вы знаете, недолюбливают нашего брата американца, и я вовсе не желаю давать какие-либо поводы для разжигания вражды к американцам.

– Все ясно, патрон! У меня к вам только одна просьба: если окажется, что я смогу быть для вас как-то полезен в дальнейшем, вы уж меня не забудьте. Столько лет я с вами работаю, под вашим началом, не могу даже себе и представить, как я без вас стал бы…

Он замолчал, глядя на Каупервуда умоляющими глазами. И Каупервуд ответил ему дружески покровительственным, но вместе с тем ничего не обещающим взглядом.

– Хорошо, хорошо, де Сото! Все это я знаю и понимаю. В свое время я для вас все сделаю, что смогу. Разумеется, я о вас не забуду.

Глава VII

Покончив со всеми наставлениями Сиппенсу и выяснив, что для ликвидации чикагских дел ему необходимо будет съездить в Нью-Йорк, чтобы обсудить кой с кем из финансистов, каким образом реализовать хотя бы некоторую часть своих владений, Каупервуд, естественно, вернулся мыслью к Беренис: как бы устроить так, чтобы поехать с ней вместе и жить под одной крышей, не привлекая к себе излишнего внимания?

Разумеется, он представлял себе гораздо яснее, чем Беренис, какая длинная цепь вместе пережитых событий и установившихся привычек связывала его с Эйлин в большей мере, чем с кем-либо другим. Это было нечто такое, чего Беренис была не в состоянии себе представить, тем более что она уже давно догадывалась о его пылких чувствах к ней. Для Каупервуда было совершенно очевидно, что, во избежание скандала, с Эйлин надо держаться только одной тактики – тактики умиротворения и обмана. Всякий другой способ действий был бы чрезвычайно рискованным, в особенности если у него выйдет что-нибудь с этой затеей в Лондоне, и тем более сейчас, после всей этой скандальной шумихи в связи с созданными им компаниями и чересчур смелыми приемами, к которым он прибегал в Чикаго. Ведь его обвиняли во взяточничестве и чуть ли не в подрыве общественных устоев. И навлечь на себя сейчас обвинение в безнравственности или угрозу какой-нибудь публичной выходки со стороны Эйлин – а она способна в газеты сообщить о его отношениях с Беренис, – это было бы уж совсем из рук вон плохо.

Кроме того, Каупервуда беспокоило еще одно обстоятельство, которое также могло повести к неприятностям с Беренис: это его отношения с другими женщинами. Кое-какие из его прежних связей еще не совсем оборвались. С Арлет Уэйн можно было считать дело поконченным, да и с несколькими

другими он встречался лишь крайне редко. Но оставалась еще Керолайн Хэнд, жена Хосмера Хэнда, крупного чикагского воротилы, чей капитал был вложен в железные дороги и мясоконсервные компании. Когда Каупервуд познакомился с Керолайн, она была совсем юной и мало походила на замужнюю даму. Хэнд развелся с нею из-за Каупервуда, но закрепил за Керолайн недурной капитал. Она и сейчас еще была очень привязана к Каупервуду. Он купил ей дом в Чикаго и на протяжении своей ожесточенной борьбы за место среди чикагских дельцов часто бывал у нее – ведь он в то время был совершенно убежден, что Беренис никогда его не полюбит.

Теперь Керолайн собиралась переехать в Нью-Йорк, она хотела быть поближе к нему, когда он окончательно развяжется с Чикаго. Керолайн была неглупая женщина, не ревновала его – во всяком случае, никогда не показывала своей ревности. Она была очень хороша собой, только одевалась немного чересчур вызывающе. Веселая, остроумная, она всегда умела привести его в хорошее настроение. Ей минуло тридцать, но на вид ей можно было дать двадцать пять, а в живости она, пожалуй, могла бы поспорить с двадцатилетней. Вплоть до самого последнего времени, когда неожиданно появилась Беренис, и даже и теперь, хотя Беренис этого и не знала, Керолайн устраивала у себя приемы и рассылала приглашения всем, кого Каупервуду нужно было видеть. Вот об этом-то особнячке на Северной стороне и упоминалось в чикагских газетах, когда в прессе поднялась кампания против Каупервуда. Керолайн всегда говорила ему, что, если он когда-нибудь ее разлюбит, он должен честно сказать ей об этом, и она не станет его удерживать.

Раздумывая теперь о своих отношениях с нею, Каупервуд спрашивал себя: а что, если поймать ее на слове, поговорить с ней откровенно и расстаться? Но даже при всей его любви к Беренис такой шаг казался ему все же рискованным. Не лучше ли пока повременить, а потом, может быть, ему как-нибудь удастся объясниться и с той и с другой? Но, во всяком случае, его отношения с Беренис надо оградить от всего этого: ведь он поклялся принадлежать ей одной и, насколько в его силах, должен сдержать свою клятву.

Но главным источником его беспокойства все-таки оставалась Эйлин. Ему невольно вспоминались все те события и случайности, которые привели их к такому длительному, прочному союзу. Какая это была бурная, неистовая любовь, когда она явилась к нему в Филадельфии, и как это потом печально обернулось для него, ибо эта история сыграла тогда немалую роль в его первом финансовом крахе! Веселая, безрассудная, влюбленная Эйлин, как пылко она отдавала ему

всю себя, как жаждала получить взамен вечную привязанность, такую, какой любовь за всю историю своего сокрушительного шествия еще никому не давала! Даже и теперь, после стольких лет и всяких любовных историй в его – да и в ее – жизни, она все такая же, не изменилась. И все так же любит его.

– Знаешь, дорогая, – сказал он Беренис, – я эти дни все думаю об Эйлин, и мне, право, очень жаль ее. Подумай только, одна, в этом огромном доме в Нью-Йорке, никаких сколько-нибудь интересных знакомых, так, какие-то лоботрясы вертятся около нее: таскают ее по ресторанам, устраивают кутежи да попойки, выманивают у нее деньги, потому что, разумеется, платит за все она. Я это знаю от слуг, они мне и сейчас преданы.

– Все это, безусловно, трагично, – отозвалась Беренис, – но я понимаю ее.

– Мне вовсе не хочется быть жестоким по отношению к ней, – продолжал Каупервуд, – ведь, в сущности, кругом виноват я. Знаешь, мне пришло в голову: а что, если подыскать какого-нибудь такого приятного молодого человека из нью-йоркского общества, ну, разумеется, не из высших кругов, но вполне приличного молодого человека, который за известное вознаграждение взялся бы познакомить ее с интересными людьми, ходил бы с ней в театры, – словом, развлекал ее? Разумеется, я говорю это не в таком смысле… – Он посмотрел на Беренис, и губы его искривились невеселой улыбкой.

Беренис слушала его с самым невозмутимым видом, и по ее лицу нельзя было догадаться, как она обрадовалась оттого, что их мысли совпали. У нее только чуть дрогнули уголки губ и глаза вдруг расширились.

– Не знаю, – осторожно протянула она, – может, на свете и бывают такие молодые люди…

– Да ими хоть пруд пруди, – деловито продолжал Каупервуд. – Но, конечно, это должен быть американец. Эйлин терпеть не может иностранцев – я имею в виду поклонников иностранцев. Но я знаю одно: если мы хотим, чтобы у нас все шло мирно и мы с тобой могли свободно передвигаться, надо что-то придумать и как можно скорей.

– Мне как будто припоминается один такой человек, и, пожалуй, он мог бы подойти, – задумчиво промолвила Беренис. – Его зовут Брюс Толлифер. Он из

виргинских и южнокаролинских Толлиферов. Ты, может быть, даже знаешь его.

– Нет. Но это действительно такой тип, какой я имею в виду?

– Очень красивый молодой человек, если ты это имеешь в виду, – продолжала Беренис. – Я с ним не знакома, видела его раз в Нью-Джерси у Дэнии Мур на теннисном корте. Эдгар Бонсиль тогда рассказал мне, что это типичный паразит, что он всегда живет на содержании у какой-нибудь богатой женщины, ну, например, у Дэнии Мур. – Беренис рассмеялась и добавила: – Мне кажется, Эдгар побаивался, как бы я не влюбилась в этого Толлифера. Он, правда, мне очень понравился, такой красивый! – И она улыбнулась с таким видом, словно для нее не имело значения, что представлял собой этот молодой человек.

– Стоит подумать! – заметил Каупервуд. – Его, наверно, прекрасно все знают в Нью-Йорке.

– Да, мне помнится, Эдгар говорил, что он часто встречает его на Уолл-стрит. Вряд ли он занимается какими-нибудь финансовыми делами, просто делает вид, что принадлежит к этим кругам. Наверно, чтобы произвести впечатление.

– Вот как! – воскликнул Каупервуд, очень довольный ее рассказом. – В таком случае я разыщу его без труда, хотя таких молодчиков много везде толчется. Да мне и самому не раз приходилось с ними встречаться.

– По-моему, в этом есть что-то постыдное, – сказала Беренис. – Ужасно, что нам с тобой приходится говорить о подобных вещах. И потом, если ты свяжешься с таким типом, какая у тебя может быть уверенность в том, что он не впутает Эйлин в какую-нибудь неприятность?..

– Но ведь я для нее же стараюсь, Беви, для ее пользы. Пойми это. Я просто хочу найти такого человека, который мог бы для нее сделать то, что ни она сама, ни я, ни даже мы с ней вместе не можем и не сумеем сделать. – Он замолчал и вопросительно посмотрел на Беренис. А она ответила ему грустным и несколько недоумевающим взглядом. – Мне нужен человек, который взял бы на себя труд развлекать и занимать ее. И я готов заплатить за это. И щедро заплатить.

– Ну хорошо, хорошо, посмотрим, – сказала Беренис и, как бы желая прекратить этот неприятный разговор, стала рассказывать о своих делах: – Я жду завтра

маму – поезд приходит в час. Я уже сняла номер в гостинице «Брэндингхэм». Кстати, я хотела еще поговорить с тобой относительно Ролфи.

– А что такое?

– Да он ни к чему не пригоден. Его никогда ничему не учили. Я думаю, хорошо бы найти для него какое-нибудь дело.

– Ну насчет этого можешь не беспокоиться. Я мигом пристрою его к одному из моих компаньонов. Пусть приезжает сюда, и я направлю его к кому-нибудь в качестве секретаря. Скажу Китереджу, он ему напишет.

Беренис посмотрела на него долгим взглядом, растроганная его готовностью прийти ей на помощь и той легкостью, с какою он все разрешил.

– Пожалуйста, не считай меня неблагодарной, Фрэнк! Ты так добр ко мне.

Глава VIII

В то самое время, когда Беренис рассказывала Каупервуду о Брюсе Толлифере, объект этого щекотливого разговора, красивый шалопай без гроша за душой, нежил свою уже несколько потрепанную плоть – вместилище весьма изменчивого и изобретательного духа – в одной из самых крошечных комнатушек меблированного пансиона миссис Селмы Холл на Пятьдесят третьей улице, в Восточной части Нью-Йорка. Некогда это был весьма фешенебельный квартал, но, застроенный тесными рядами мрачных красновато-коричневых зданий, он теперь обратился в один из самых захудалых. Во рту у Толлифера был отвратительный вкус после попойки и бессонной ночи, но под рукой у него, на расшатанном табурете, стояла бутылка виски, сифон с содовой водой и валялись сигареты. Бок о бок с ним на откидной половине дивана лежала хорошенькая молодая актриса, которая делила с Толлифером свои доходы, свой кров и стол и все, чем она располагала на белом свете.

Оба дремали, хотя время уже приближалось к одиннадцати. Но прошло несколько минут, и Розали Харриген открыла глаза. Окинув взглядом убогую

комнатку с потемневшими обоями, на которых кое-где проступал их первоначальный палевый цвет, и стоявший в углу низенький туалетный столик с трехстворчатым зеркалом, и старый комод, она решила, что пора вставать, чтобы хоть собрать в кучу разбросанные по всей комнате интимные принадлежности дамского и мужского туалета. В уголке помещалась кухня и умывальник. Направо от табурета стоял письменный столик – сюда Розали подавала еду, если им случалось перекусить у себя дома.

Розали – даже en deshabille[1 - Неодетая (фр).] – была несомненно обольстительна. Черные, пышные, рассыпающиеся кольцами по плечам волосы, маленькое беленькое личико с небольшими, но пытливыми темными глазками, яркие губы, чуть-чуть вздернутый носик, грациозная, с округлыми формами соблазнительная фигурка – все это вместе пока еще удерживало в плену непостоянного, беспутного красавца Толлифера.

Пожалуй, надо приготовить ему стакан виски с содовой и дать закурить, поспешно прибирая комнату, рассуждала сама с собой Розали. А потом, если он захочет, сварить кофе и пару яиц, что ли… Но если он вот так будет притворяться спящим и не замечать ее, может быть, ей лучше поскорей одеться и уйти на репетицию; как раз к двенадцати можно поспеть. А потом уж, вернувшись домой, можно спокойно сидеть и ждать, когда он соизволит глаза открыть. Розали была без памяти влюблена.

Дамский угодник по природе, Толлифер в высшей степени прохладно принимал эти нежные заботы о своей персоне. Ну что это ему, Толлиферу, – отпрыску знаменитых виргинских и южнокаролинских Толлиферов! Ведь он мог бы вращаться в самых изысканных, в самых великосветских кругах! Да только беда была в том, что, если бы не Розали или еще какая-нибудь такая же взбалмошная девчонка, он бы совсем пропал, спился, увяз в долгах. Но так или иначе, несмотря на все свои недостатки, Толлифер был сущий магнит для женских сердец. Тем не менее после двадцати с лишним лет бесчисленных романтических приключений ему так и не удалось сделать то, что называется выгодной партией. И вот поэтому-то, снизойдя до очередной влюбленной жертвы, он обращался с нею резко, пренебрежительно и повелевал ею как хотел.

Толлифер был южанин; предки его, крупные землевладельцы, занимали когда-то видное общественное положение. В Чарльстоне поныне сохранилась чудесная старинная усадьба, в которой жили последние потомки этого рода,

поселившегося здесь еще до Гражданской войны. Они до сих пор берегли облигации займов на тысячи долларов, оставшиеся от времени Конфедерации и ныне не стоившие ни гроша. Брат Толлифера, Вэксфорд Толлифер, служил капитаном в армии. Брюса он считал бездельником и шалопаем.

Другой его брат перебрался с Юга на Запад и обосновался в Сан-Антонио, в Техасе. Он купил себе ферму, женился, обзавелся семьей и мало-помалу сколотил недурное состояние. Надежды Брюса пробиться в нью-йоркский свет казались ему сущим бредом. Ведь если Брюс в самом деле может чего-то добиться – ну, скажем, заполучить в жены какую-нибудь богатую наследницу, – так почему же он не сделал этого много лет назад? Правда, имя его иной раз попадалось в газетах. И одно время даже пронесся слух, что он вот-вот женится на одной только что выведенной в свет богатой нью-йоркской девице. Но ведь это было десять лет назад, когда ему было двадцать восемь, и из этого так ничего и не получилось! С тех пор оба его брата, да и все другие родственники махнули на Брюса рукой. Пропащий человек! Большинство его знакомых и приятелей из нью-йоркского общества постепенно склонялось к тому же мнению. Уж слишком он падок на удовольствия, не умеет себя обуздать, не дорожит ни своим именем, ни репутацией. И теперь ему не на кого было рассчитывать, ни один из его бывших друзей не дал бы ему ни цента взаймы.

И однако, многие из его бывших знакомых, и мужчины и женщины, и молодые, и старые, увидев его где-нибудь случайно, когда он был в трезвом виде и прилично одет, смотрели на него с невольным участием и искренне жалели, что ему не удалось подцепить какую-нибудь богатую наследницу: такой обаятельный человек – он мог быть украшением в любом порядочном обществе. У него был мягкий, певучий южный акцент и удивительно подкупающая улыбка.

С Розали Харриген он сошелся всего каких-нибудь два месяца тому назад и отнюдь не собирался тянуть эту канитель. Простая хористка, Розали едва зарабатывала тридцать пять долларов в неделю. Это была веселая, покладистая, добрая девушка, но Толлифер чувствовал, что ей не хватает настойчивости и поэтому она никогда не сделает карьеры. Только ее прельстительная фигурка, ее любовный пыл и страстная привязанность к нему и удерживали его до поры до времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Неодетая (фр).

Купить: https://tellnovel.com/teodor-drayzer/stoik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити